

ПЬЕСА Н. КОЛЯДЫ «ТРОЙКАСЕМЕРКАТУЗ» КАК РИМЕЙК-СТЕБ

Семашко К. С.

Белорусский государственный университет

Наиболее близким переложением классического текста из пространства переделок Коляды является ремейк «Тройкасемеркатуз» по мотивам пушкинской повести «Пиковая дама». Вновь Н. Коляда оставляет читателя внутри первоначального сюжета, при этом совершая перестановку декораций в виде собственных художественных украшений.

Н. Коляда не первый раз обращается к творчеству Пушкина – в его интерпретации была написана пьеса «Сказка о мертвой царевне». Он смело берется за переработку пушкинского сюжета, при этом внося свои изменения в жанр, композицию и даже содержание оригинальной повести. Повесть становится пьесой, или, по определению автора, драматической фантазией на темы этой повести. С точки зрения стандартной типологии драматургических жанров в данной пьесе трагифарсовая доминанта выделяется ярче. Учитывая систему современных классификаций, пьесу «Тройкасемеркатуз» можно отнести к ремейку-стебу и вместе с тем ремейку-репродукции. Коляда переносит акценты с темы богатства и азартных игр на национальную проблематику, тем самым переосмысливая традицию пушкинского текста (идея об отношении героев Коляды к деньгам прозвучит в реплике старухи):

«Пыль. Деньги - ничто. Блестящие! Разлетелись! Блестит пыль на солнце ... Когда я стану жить вечно, мне этот металл не нужен будет...» [2].

В данном ремейке наблюдается конкретное конструирование нового произведения с помощью составных частей оригинала. Смеховая культура позволяет назвать пьесу ремейком-стебом, тем самым шире открывая возможности для драматурга привнести излюбленные приемы фарса,

карнавальности происходящего и гиперболизации необычных ситуаций, переводя их в ранг сумасшествия. Создается впечатление странности, «невзаправдашности» – в данном случае это какая-то ирреальная реальность, какой-то сюрреалистический абсурд.

В названии ремейка уже присутствует толика абсурдности. «Тройкасемеркатуз», три слова, написанные без пробелов, звучащие как безумная мантра, как бред сумасшедшего, выносят на передний план лингвистическую натуру текста (второе название дублируется по-немецки: «Dreisiebenas»). Название также является номинацией старухи в пьесе, так ее называют и Германн, и Лизавета. Пьеса выделяется игровым двуязычием (русского и немецкого языков), реализованным Колядой с помощью друга писателя, немецкого переводчика современных русских пьес Александра Кала.

Учитывая специфику ремейка, его поэтику и проблематику, эти заимствования следует отнести к гипертекстуальной категории, включающей в себя осмеяние или пародирование одним текстом другого – в тексте Пушкина нет ни одного немецкого слова.

Немецкий язык здесь во главе угла, так как основная мысль произведения-оригинала перенесена с мистической направленности на национальную проблему. В центре внимания драматурга – проблема галломании. В начале пьесы степень одержимости французским языком занимает страсть к немецким выражениям, не говоря уже о главном герое, «немецкость» которого Коляда возводит в гротеск. Из уст персонажей звучит мнение, выражающее всю суть данной ситуации:

ВТОРАЯ БАРЫШНЯ. Фи! Нужно говорить по-немецки. Германия - великая страна.

ПЕРВЫЙ ИГРОК. Как?! Вы газве не слышали?

ВТОРАЯ БАРЫШНЯ. А что такое?

ПЕРВЫЙ ИГРОК. Ну вот, здгаствуйте! Вы не слышали последние

новости? Что вы?! Теперь Фганция - великая страна, давно время Гегмании кончилось! Да, да! Гегмания - фу!, а Фганция - ах! [2]

Центр парадокса национального самосознания – Германн. В афише пьесы это единственный персонаж, имя которого сопровождается характеристикой «немец». В данном случае мы понимаем, что «немец» – это не национальность, а образное описание и приговор художественной задумки. Н. Коляда утрирует бесполезность существования героя и превращает его в социального изгоя, которого никто не понимает не только морально, но и лингвистически из-за языкового барьера. У Пушкина Германн выполняет иную образную функцию, в ремейке же тайна трех секретных карт известна изначально (Томский говорит о том, что уже пробовал их в игре и потерпел неудачу), интрига перенесена, следовательно, смысл и цель Германна с самого начала лишены какой-либо ценности. С подачи драматурга и его собственной писательской традиции в контексте своего творчества, Германн Коляды испытывает на себе трансформацию в по-настоящему «маленького» персонажа, человека незначительного. В пьесе он не раз отчаянно восклицает:

ГЕРМАНН. (*Вспыхнул, поправил мизинцем очки на носу.*) *Halts Maul!*¹ Ви обижать меня, я - бетный, я - немес, ви - карошо, ви - русский, немци - грубий, немци - плехо, ви один карошо *auf der Welt!*² *Ewig dasselbe!*³ (*Пошел к выходу.*) [2].

Однако Германн – это более смелый маленький человек, он пытается сделать те вещи, которые каким-либо образом заставят других принять его как должное, в то время как он является объектом националистических нападений как для большинства героев, так и для самого автора. Например, в утрированной драматургом сцене первой встречи Лизаветы и Германна

¹ Молчать!

² на этом свете!

³ Все время одно и тоже!

последний предстает в стереотипном облике русского человека, употребляя в речи случайные русские слова, стараясь «сойти за своего»:

«На улице холодно. Германн стоит на мостовой у противоположной стены дома. Он в длинной в пол бобровой шубе, на голове - шапка-ушанка, завязанная под подбородком. В одной руке у него три маргаритки и в другой - огромная бутылка с пенистой жидкостью» [2].

В определенный момент Германн даже восклицает, подводя черту авторской мысли, но при этом не развивает ее в дальнейшем:

«Это что, я стал говорить по-русски? Или же я говорю по-немецки? Я вдруг перестал понимать разницу в языках. У меня один язык. *(Смотрит в зеркало, рассматривает свой язык. Помолчал.)* Зачем вообще есть разные языки? Кому они нужны? Неужели нельзя общаться на одном? *(Помолчал.)*» [2].

Литература

1. Коляда, Н. Dreisiebenas (Тройкасемеркатуз), или Пиковая дама [Электронный ресурс]. / Коляда Н. – 2010. – Режим доступа: <http://kolyada.ur.ru/dreisiebenas/>. – Дата доступа: 02.05.2017.
2. Лейдерман, Н.Л. Драматургия Николая Коляды. Критический очерк. Екатеринбург, Каменск-Уральский: Калан. – 1997. – 160 с.
3. Пушкин, А.С. Пиковая дама // А.С. Пушкин. Собрание сочинений в десяти томах – Москва, 1981. – С. 3-35.
4. Таразевич, Е. Римейк в современной русской драматургии // Современная русская литература: проблемы изучения и преподавания: сб. науч. ст. – Пермь, 2005. – С. 318-322.